

65-9
— 128

LATVIJAS PSR ZINĀTŅU AKADEMIJAS VĒSTURES INSTITŪTS
LATVIJAS PSR ZINĀTŅU AKADEMIJAS VALODAS UN LITERATŪRAS INSTITŪTS
LATVIJAS PSR KULTŪRAS MINISTRIJA

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК ЛАТВИЙСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ АКАДЕМИИ НАУК ЛАТВИЙСКОЙ ССР
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ ЛАТВИЙСКОЙ ССР

ZINĀTNISKĀS ATSKAITES SESIJAS

REFERĀTU TĒZES

PAR ARHEOLOGU, ETNOGRĀFU UN FOLKLORISTU
1964. GADA EKSPEDICIJĀM

PLENĀRSĒDE

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

НА НАУЧНОЙ ОТЧЕТНОЙ СЕССИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ
ИТОГАМ ЭКСПЕДИЦИИ АРХЕОЛОГОВ, ЭТНОГРАФОВ
И ФОЛЬКЛОРИСТОВ В 1964 ГОДУ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

RĪGĀ 1965 RĪGA

L 65-9
128

Dund
L
9

LATVIJAS PSR ZINĀTŅU AKADEMĪJAS VĒSTURES INSTITŪTS
LATVIJAS PSR ZINĀTŅU AKADEMĪJAS VALODAS UN LITERATŪRAS INSTITŪTS
LATVIJAS PSR KULTŪRAS MINISTRIJA

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК ЛАТВИЙСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ АКАДЕМИИ НАУК ЛАТВИЙСКОЙ ССР
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ ЛАТВИЙСКОЙ ССР

ZINĀTNISKĀS ATSKAITES SESIJAS

REFERĀTU TĒZES

PAR ARHEOLOGU, ETNOGRĀFU UN FOLKLORISTU
1964. GADA EKSPEDICIJĀM

ПЛЕНАРСĒDE

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

НА НАУЧНОЙ ОТЧЕТНОЙ СЕССИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ
ИТОГАМ ЭКСПЕДИЦИИ АРХЕОЛОГОВ, ЭТНОГРАФОВ
И ФОЛЬКЛОРИСТОВ В 1964 ГОДУ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

РИГА · 1965 · РИГА

Latv. PSR Valsts bibliotēka

~~65-46.955~~

0306024763

Latvian State Library

REFERĀTU TĪKLS

PAR ARHĪVOLOĢIJU, ETNOĢRAFIJU UN FOLKLORISTIKU
1964. GADA EKSPEDICIJĀM

1. ENĀRSEDE

ТЕБНИЦЫ ДОКЛАДОВ

НА МАТЕРИАЛЫ ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩЕЙ ПОСВЯЩЕНННОЙ
ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ АРХИВОВ, ЭТНОГРАФИИ
И ФOLKLORISTIKI В 1964 ГОДУ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

RIĢA 1965. 178 L.

FOLKLORISTU DARBS XVIII ZINĀTNISKAJĀ EKSPEDICIJĀ 1964. GADĀ

A. ANCELĀNE

1. Zinātniskās ekspedīcijas latviešu padomju folkloristiem ir kļuvis par galveno jaunu materiālu ieguves metodi. Kopš 1947. gada ekspedīcijas strādā katru gadu kādā no mūsu republikas rajoniem; 1964. gadā bija pēc skaita XVIII ekspedīcija. Līdz šim ekspedīcijās savākts pāri par 140.000 dažādu folkloras vienību, magnetofona lentās ieskaņotas simtiem tautas dziesmu un deju meldiju, pasaku, nostāstu, sakrāti materiāli plašai fototēkai, likti pamati filmotēkai.

2. Folkloristu XVIII zinātniskā ekspedīcija strādāja Dobeles rajonā no 15. jūnija līdz 15. jūlijam. Ekspedīcijas vieta, laiks un arī darba uzdevumi bija saskaņoti ar Lietuvas PSR ZA Lietuviešu valodas un literatūras institūta folkloristu zinātnisko ekspedīciju, kas vāca materiālus Liet. PSR Mažeiku raj. Pierebežas ciemos strādāja abu republiku folkloras vācēji.

3. Turpinot iepriekšējo gadu darbu, ekspedīcija vāca visus dažādos latviešu folkloras žanrus, pētīja to izplates un funkcionēšanas formas tautā mūsu dienās, fiksēja dažāda vecuma teicēju attieksmi pret folkloru, centās iegūt atbildes uz konkrētiem jautājumiem, kas bija radušies pētnieciskajā darbā. Akcentēta tika materiālu vākšana par latviešu un lietuviešu kultūras sakariem, mijietekmi folklorā.

4. Ekspedīcijā iegūts daudzveidīgs un interesants materiāls (pāri par 6000 var.), kas pietiekami skaidri raksturo tautas daiļrades stāvokli rajonā. Tas liecina, ka mūsdienu intensīvajā garīgās kultūras dzīvē noteikta loma saglabājas arī folklorai.

Blakus tautas daiļrades repertuāram, kas saglabāties tikai teicēju atmiņā, ir fiksēts materiāls (tautas dziesmas, dejas, rotaļas, spēles), kas mūsu dienās iegūst jaunu nozīmi, dzīvo aktīvu dzīvi jaunajās padomju sadzīves tradīcijās (vārda došanas un pilngadības svētkos, kāzās, bērēs, skolu izlaidumos utt.), mākslinieciskajā pašdarbībā u. c. Kā to liecina ekspedīcija, tautā dzīvo

arī reālistiski nostāsti, anekdotes, bet zūd interese par pasakām, teikām. Samērā maz sarunu valodā ir saklausīti sakāmvardi un parunas, tomēr tie ir vai katra teicēja repertuāra sastāvdaļa.

Interesants ir dažādu vecuma grupu tautas daiļrades repertuārs (dziesmu žanrā jauniešiem daudz padomju masu u. c. literāras cilmes dziesmu; tautasdziesmu, tāpat pasaku un teiku saglabātāja atmiņā galvenokārt ir vecākā paudze; bērnu vidū dzīvo mīklas, spēles, rotaļas), arī pierobežas ciemos no latviešiem un lietuviešiem pierakstītā folklorā (abu kaimiņu tautu ciešie sakari ir abpusēji ietekmējuši teicēju repertuāru).

Savāktais materiāls ļauj izsekot tiem procesiem, kas mūsu dienās norisinās tautas daiļradē padomju kultūras un ekonomiskās dzīves ietekmē, tuvā saskarē ar brālīgo kaimiņu tautu kultūras dzīvi.

5. Ekspedīcijas nobeigumā Latv. PSR ZA Valodas un literatūras institūts kopā ar Lietuvas PSR ZA Lietuvju valodas un literatūras institūtu Naujoji Akmenē Liet. PSR sarīkoja izbraukuma sesiju, kur tika nolasīti referāti par folkloras jautājumiem, sniegti pārskati par ekspedīciju darbu. Sesijas koncertā darbības rajonu labākie teicēji un ansamblī demonstrēja savu folkloras izpildīšanas mākslu.

ETNOGRĀFU 1964. GADA EKSPEDĪCIJAS

A. KRASIŅA

1. Latvijas PSR ZA etnogrāfi laikā no 1.—20. jūlijam strādāja Ludzas rajonā, turpinot jau 1962. gadā sāktu Latgales etnogrāfisko izpēti. Jūnijā, augustā un septembrī atsevišķi darbinieki vāca salīdzināmo materiālu Preiļu, Dobeles un Saldus rajonos. (Abos pēdējos kopā ar ZA Valodas un literatūras institūta folkloristiem). Materiālus vāca gan par lauku iedzīvotāju, gan arī par rūpniecības uzņēmumu strādnieku un amatnieku dzīves veidu un kultūru, pievēršot galveno uzmanību tām darbaļaužu dzīves veida un kultūras izmaiņām, kas notikušas komunisma straujas celtniecības periodā. Vāca materiālus arī par latviešu un kaimiņu tautu kultūras sakariem, etniskās vēstures problēmām un kultūrvēsturisko apgabalu robežām. Ekspedīcijā piedalījās 11 Vēstures institūta štata darbinieki un 22 liguma darbinieki (studenti-vēsturnieki, arhitekti, mākslinieki-zīmētāji, tekstiliju speciālisti, kulinārijas skolas audzēknes, kino operators u. c.).

Ekspedīcijā iegūtas apm. 8 500 etnogrāfisko materiālu vienības. No tām apm. 2000 fotouzņēmumu, apm. 300 tekstīlīju paraugi, 1200 plānu un zīmējumu — pārējie apraksti. Kinofilmā uzņemti dažādi darba procesi (zemkopība, zveja, podniecība, aušana, darbi fermās), celtniecība, jaunās tradīcijas un bijušo partizāņu tikšanās Draudzības kurgānā (apm. 600 metru gara 16 mm kinofilma).

2. Ludzas rajonā dzīvo daudz ienācēju no citiem Latvijas rajoniem (galvenokārt no Vidzemes) un no kaimiņu republikām. Rajona A daļā ienācēju lielākais vairums ir krievi, bet DA daļā — poļi un baltkrievi. Krievu un baltkrievu tautības iedzīvotāji te ieceļojuši galvenokārt no XVII gs. līdz XIX gs. Iztalsnā, Pildā un Nirzā dzīvo samērā daudz igauņu ģimenes. Tās gandrīz pilnīgi pārlatviskojušās, kaut gan daudzās vēl prot igauņu valodu.

Pēc Lielā Tēvijas kara Ludzas rajonā uz dzīvi apmetās lielāks skaits ģimeņu no kara laikā nopostītā Krievijas PFSR Pleskavas apgabala.

3. Rūpniecības strādnieku ģimenes dzīves veids un kultūra pētīta Ludzas līnu fabrikā un Rēzeknes metāla apstrādāšanas rūpnīcas divās nodalās, no kurām viena atrodas Kārsavā, otra — Ludzā. Tie ir jauni rūpniecības uzņēmumi, kas veidojušies padomju varas laikā, ar visai internacionālu strādnieku sastāvu. Strādnieku sastāvu veido pilsētnieki, apkārtējo ciemu un rajonu zemnieki. Ģimenes visbiežāk sastāv no divām paaudzēm — vecākiem un bērniem. Strādnieki ceļ savu speciālo kvalifikāciju, apgūst vairākas profesijas, aktīvi piedalās mākslinieciskajā pašdarbībā.

Strādnieku dzīvē nozīmīgu vietu ieņem jaunās padomju darba un sadzīves tradīcijas, īpaši vārda došana un pilngadības svētki, kā arī pensijā izvadīšana.

4. Ludzas rajonā lauku iedzīvotāju galvenā nodarbošanās ir zemkopība un lopkopība. Bez graudaugiem nozīmīga vieta ierādīta tehniskajām kultūrām — līniem. Zemkopībā XIX gs. beigās un XX gs. sākumā galvenokārt lieto zemnieku pašu, retāk lauku amatnieku darinātus darba rīkus. Darba rīki un to terminoloģija uzrāda zināmas slāviskas iezīmes, piem., spīļu arkla detaļu nosaukumi: rogač (balsts), oglobļi (ilksis), zemļaki (špandas) u. c. Līdz ar kapitālisma attīstību zemkopībā ieviešas rūpniecībā ražotie darba rīki (dzelzs arkli, dzelzs un atsperu ecēšas), kā arī no citiem rajoniem aizgūti darba rīki, piemēram, labību pļauj ar vienroča izkapti.

Pēc lauksaimniecības kolektivizācijas Ludzas rajona kolhozos un padomju saimniecībās izmanto moderno lauksaimniecības teh-

niku, kas ievērojami ceļ Latgales zemnieku ekonomiskās un kultūras dzīves līmeni.

5. Zveja Ludzas rajonā kapitālisma periodā bija nozīmīga gan kā līdzeklis ģimenes uztura bagātināšanai, gan arī kā papildus peļņas avots. Lomus realizēja Kārsavā, Ludzā vai Rēzeknē. Padomju varas laikā (1945. gadā) Ludzas zvejnieki apvienojās artelī, kurš tagad ietilpst Rēzeknes zivsaimniecībā. Brigādes un to posmi atrodas Ludzā, Goliševā un Istrā. Zvejas rīku tipi Ludzas rajonā, kaut arī visai līdzīgi pārējiem Latgalē sastopamajiem rīkiem, uzrāda dažas lokālas iezīmes. Tā brīdņu tipu «trejbrīdņi» A daļā sauc par troiņniku, ZR daļā, tāpat kā Balvu rajonā un Austrumvidzemē, par «kakažņiku». Rajona D daļā to sauc par «krīgu» (līdzīgi baltkrieviem), bet igauņu apdzīvotajā Nirzā un Pildā par «kurīcu». Aizsprosta zvejas rīku «murdu» rajona D daļā sauc par «nortu» un tā izplatība turpinās Augšzemē un Austrumlietuvā.

6. Amatniecība XIX gs. otrajā pusē un XX gs. ir cieši saistīta ar zemkopību. Aušanai ir mājamatniecības raksturs: visā rajonā ir tikai dažas profesionālas audējas. Audumos dominē 4—8, retāk — 12 paminu audumi: pārstaipu un trīniša dreļļi, kā arī vienkārtnu ripss. Audumu tehnikas apzīmē pēc paminu skaita. Tikai tās audējas, kurām ir speciāla izglītība, lieto literāros tehniku apzīmējumus. Aušanas darba rīkiem (stāviem, ratiņiem, tītavām) nosaukumi atvasināti no krievu valodas, vai arī tie ir pilnīgi krieviski. Pašu darba rīku forma tuva Ziemeļ- un Centrālajā Vidzemē sastopamajiem rīkiem. Arī kokapstrādāšanas darba rīkam ir gan Austrumvidzemei, gan krieviem raksturīgie nosaukumi, piemēram, barans, otborņiks, spuntavņiks.

Podniecības ražošanas tehnoloģija, darinājumu forma un ornamenti saglabā daudzas senās iezīmes, kas raksturīgas arī Ziemeļlatgales podniecībai. Redzamākie rajona keramiķi ir A. Dieglis (Lielaļos Blontos) un A. Šmulāns (Blontos), kas no pašdarbniekiem izvirzījušies par ievērojamiem lietišķās mākslas meistariem.

Amatnieki dažkārt strādāja vairākās nozarēs. Tā kalēji bieži veica arī koka darbus, resp. izgatavoja arklus, ragavas, ratus un tos apkala. Dažreiz vairāki amatnieki kooperējās — citi kala, citi veica kokapstrādāšanas darbus. XX gs. sākumā viņu darinātās droškas un lineikas bijušas pazīstamas plašā apkārtnē. Tās pieprasījuši pat Ostrovas krievi. Pēc krievu parauga vietējie meistari izgatavoja ratus t. s. labegus.

XX gs. 30. gados bij. Kārsavas apg. «Krieviņos» strādājis

plaši pazīstams kapa krustu kalējs T. Dričs. Apkārtojās kapsētās atrodami vairāki simti viņa kaltu krustu.

7. Ievērojamas izmaiņas notiek celtniecībā. Ludzas rajonā, tāpat kā pārējā Latvijā, norit strauja kolektīvo saimniecību jauno ciematu celtniecība. Sīko ekonomiski atpalikušo saimniecību vietā veidojas lieli ražošanas centri ar liellopu un putnu fermām, garāžām un darbnīcām. Blakus kolektīvo saimniecību sabiedriskajiem centriem ar vairākstāvu pārvaldes ēkām, klubiem, ēdnīcām un bērnu dārziem veidojas jaunie dzīvojamie sektori. Celtniecības un dažādu komunālo pasākumu organizēšanā priekšgalā atrodas padomju saimniecības. Tā, bērnu dārzi, ēdnīcas un daudzstāvu dzīvojamās ēkas tiek celtas tikai padomju saimniecībās. Visās 10 Ludzas rajona padomju saimniecībās ir ēdnīcas un krogaldī, bet to nav nevienā Ludzas rajona kolhozā. Tāpat tas ir ar bērnu dārziem, daļēji arī ar jaunceltajiem klubiem. Kolhozos celtniecība norit ievērojami lēnāk. Bieži vien uz ciematu pārved vecās viensētu ēkas, kuras atjauno pēc agrākā plānojuma. Analizējot tradicionālo tautas celtniecību, konstatējams, ka Ludzas rajona Z un ZR daļā dominē Ziemeļlatgalei raksturīgās celtniecības formas. Tur sastopami arī daži Vidzemes celtniecībai raksturīgi elementi (brīvais izklaidus ēku grupējums pagalmā, dzīvojamā mājā apsildāma priekštelpa — virtuve). Turpretim Ludzas rajona A daļā vecākais dzīvojamās mājas tips liecina par kopīgām iezīmēm ar krievu zemnieku dzīvojamo māju (div- vai trīsdaļu ēka ar aukstām neapkurināmām sincēm, kurām pieslēdzas dzīvojamā istaba ar krievu tipa krāsni — cepli. Celtniecībā daudz krievisku terminu: kriļcis, kukņa, pļita u. c.).

8. Apģērba pētnieki konstatēja, ka rajonā pilnīgi izzudusi atšķirība starp pilsētnieku un lauku iedzīvotāju apģērbu. Apģērbus darina no fabrikās gatavotiem audumiem un ļoti bieži (sevišķi vīrieši) pērk gatavus. XX gs. sākumā turpretim gandrīz katrā mājā auda audumus un gatavoja apavus (vīzes, lapkas un šuva zābakus).

Tradicionālais tautas tērps pieder Dienvidlatgales tautas tērpa tipam ar tunikveida kreklu, virsū šūtiem uzplečiem un rūtainiem vai svītrainiem brunčiem (lindrakiem). Rajona Z daļā (bij. Krāslavas pag.) turpretim sastopams Ziemeļlatgalei raksturīgais baltais sieviešu tautas tērps. Rajona A daļā, kur dzīvo krievu tautības iedzīvotāji, valkāti krekli ar piešūtiem uzplečiem, sarafani ar «pazuhām», līdzīgi kā tas ir kaimiņos — Pleskavas rajonā. Rajona D daļā iedzīvotāju apģērbam raksturīgas baltkrievu un poļu tērpu iezīmes un terminoloģija (spodņici, ande-raki u. c.).

9. Zemkopībā nodarbināto ģimenes dzīves veids un kultūra pētīta apmēram 600 ģimenēs. Konstatētas jaunas parādības ģimeņu locekļu savstarpējās attiecībās, ģimenes svētku un svinību ieražās, kultūras jautājumos. Sievietes tagad plaši iesaistījušās organizatoriskajā un sabiedriskajā darbā. Tās strādā par fermu vadītājām, brigadierēm, kolhozu priekšēdētājām utt. Kultūras darbu raksturo cīņa par lauku darbaļaužu vispārīzglītojoša un profesionālā līmeņa celšanu. Rosīgi attīstās dažādas kultūrizglītības darba formas un mākslinieciskā pašdarbība.

Nozīmīgs sabiedriskās dzīves pasākums ir ikgadējais Krievijas PFSR, Baltkrievijas un Latvijas PSR bijušo partizānu kustības dalībnieku salidojums Draudzības kurgānā (Sķaunē), ko 1959. gadā izveidoja šo 3 republiku robežu saskares vietā.

Ieviesušās jaunas padomju sadzīves un darba tradīcijas. Salīdzinot ar citiem republikas novadiem, Ludzas rajonā padomju tradīcijas plašāk sākušas veidoties tikai pēdējos gados. Pilngadības svētki, vārda došanas svinības, jaunkareivju svinīga izvadīšana armijā un mirušo atceres dienas gūst savu noteiktu vietu darbaļaužu dzīvē, izskaužot baznīcas un mācītāja lomu. Taču vecākās paaudzes iedzīvotāju vidū vēl jūtama stipra reliģijas ietekme — pat jaunajās mājās bieži redzamas svētbildes. Ateistiskās audzināšanas darbs Ludzas rajonā vēl jāpastiprina.

10. Ekspedīcijā savāktie materiāli liecina par ciešiem latviešu, krievu, baltkrievu un poļu kultūras sakariem. Redzama pakāpeniska Latgales tuvināšanās pārējiem Latvijas kultūrvēsturiskajiem apgabaliem. Materiālās kultūras uzplaukums lauku sētās rada priekšnoteikumus lauku un pilsētu kultūras atšķirību izzušanai. Ekspedīcijā iegūtie materiāli dod jaunu vērtīgu ieguldījumu Latgales etnogrāfiskajā pētīšanā.

DAŽI TAUTAS HOREOGRĀFIJAS PĒTĪŠANAS METODOLOĢIJAS JAUTĀJUMI

H. SŪNA

1. Lai noskaidrotu gan visas horeogrāfiskās daiļrades, gan katras horeogrāfiskās norises strukturālās īpatnības, savstarpējo līdzību un atšķirību, cilmi, izplatību un attīstības tendences, rodas nepieciešamība paplašināt un precizēt pētīšanas metodi. Šī uzdevuma veikšanai ieteicams izstrādāt divējādus katalogus, kuros atspoguļotos: 1) horeogrāfiskās daiļrades funkcionēšanas īpatnības dažādos laika posmos un vietās; 2) horeogrāfisko no-

rišu struktūra. Katalogizācija visnotaļ balstāma uz atbilstošām materiālu vākšanas anketēm.

2. Pirms katalogu izveidošanas, Valodas un literatūras institūta Folkloras sektorā izstrādāta attiecīga ankete, kas noderīga abiem katalogiem. Anketē paredzēts aprakstīt horeogrāfiskās norises, uzrādot tās tādā kārtībā, lai parādītu, kuras norises teicējs atceras vislabāk. Katrai norisei pievieno ziņas, atbildot uz etnogrāfiska rakstura jautājumiem. Anketes jautājumi apvienoti vairākās grupās. a) Sadržīves horeogrāfijai: 1) Kad un kur ziņu sniedzējs pirmo un pēdējo reizi dejojis, gājis rotaļā un piedalījies spēlēs; 2) kādas norises izpildītas un kuras no tām saistītas ar ģimenes godu vai gadskārtu ierašām; 3) Kāds horeogrāfiskais žanrs (deja, rotaļa, rotaļdeja, rotaļspēle) un dejas veids (tautas, balles, modernās saviesīgās dejas) tā laika un pašreizējā sadzīvē ir visizplatītākās un cik bieži notiek sarikojumi ar dejošanu; 4) Kāds horeogrāfiskais žanrs un dejas veids un kādas to norises ziņu sniedzējam ir visiemīlotākās. b) Priekšnesumu horeogrāfijai: 1) Kādas latviešu un cittautu dejas ziņu sniedzējs redzējis priekšnesumos un kuras no tām patikušas vislabāk; 2) Kāds skatuviskais dejas žanrs (tautas, klasiskā vai estrādes deja) un kādas šī žanra dejas sevišķi patikušas; 3) Kādā deju pulciņā ir piedalījies un kāds bijis izpildīto deju repertuārs.

3. Horeogrāfiskās daiļrades dzīvi atspoguļojošā kataloga kartīte, izmantojot perforāciju, dod atbildes ne tikai uz visiem anketē skartajiem jautājumiem, bet no tās var iegūt arī vairāk vai mazāk apkopotas atbildes. Tā, piemēram, šinī katalogā iespējams parādīt arī zināmos laikos un vietās dominējošos, kā arī atsevišķu ļaužu grupu iemīlotākos horeogrāfiskos tipus. Horeogrāfiskie tipi detalizētāk tiek noskaidroti norišu analītiskajā katalogā.

4. Izstrādājot katrai horeogrāfiskajai norisei analītiskās katalogizācijas kartīti, izmantojama arī mūzikas zinātnieku gūtā pieredze. Kaut arī horeogrāfijā pagaidām trūkst vienotas horeogrāfiskās notācijas, tomēr arī tagad, izmantojot norišu vārdiskos aprakstus līdz ar izplatītākajiem grafiskajiem attēliem, iespējams izveidot kartīti, atsedzot horeogrāfiskās struktūras konstruktīvās, kā arī kompozicionālās īpatnības.

5. Paralēli horeogrāfiskās daiļrades dzīves un norišu analītiskajiem katalogiem, nepieciešams izveidot arī analogu katalogizāciju ar horeogrāfisko norisi saistītajām dziesmām un melodijām. Nav šaubu, ka tieši kompleksa katalogu sistēma dos iespēju ievērojami labāk risināt aktuālākās problēmas.

JŪRAS ZVEJNIECĪBAS ETNOGRĀFISKAIS BRĪVDABAS MUZEJS VENTSPILI

A. SULCS

1. 1954. g. 14. maijā nodibināts un 1963. g. 3. jūnijā Ventspili atklāts Padomju Savienībā pirmais profilizētais Jūras zvejniecības etnogrāfiskais brīvdabas muzejs. Muzejs pēti un atspoguļo savā ekspozīcijā Latvijas jūras zvejas vēsturi, zvejnieku dzīves veidu un materiālo kultūru. Muzeja darbības zona aptver Rīgas jūras līci un Baltijas jūras piekrasti Latvijas PSR teritorijā. Pašreizējā muzeja teritorija — 11 ha. Pēc hronoloģiskā principa tā iedalīta feodālisma, kapitālisma un sociālisma un komunisma straujas celtniecības laikmeta zonā. Muzejā savākts apmēram 15.000 etnogrāfisku vienību. Gadā muzejā caurmerā 32.000 apmeklētāju.

2. Feodālisma un kapitālisma zonā 1954. gadā pārvesti un uzstādīti Ziemeļkurzemes un Ventspils novada zvejnieku sētu kompleksi ar 12 ēkām (tajā skaitā viena lībiešu sēta), kas rāda dzīvojamo ēku attīstību no slieteņa namiņa un dūmistabas līdz dzīvojamai mājai ar apvalka dūmeni, un šodienas velkmes krāsnīm.

Ēkas iekārtotas ar atbilstošiem iedzīves priekšmetiem un mājamatniecības darba rīkiem. Tur demonstrē tīklu un audumu aušanu, virvju (ķieru) vīšanu utt.

Ar sociālisma un komunisma straujas celtniecības laikmeta zvejnieku dzīves veidu apmeklētāji iepazīsies jaunajā zvejnieku ostā, zvejnieku ciematā un parkā, kas teritoriāli piekļaujas muzeja teritorijai un apvieno muzeja ekspozīciju ar šodienas zvejnieku dzīvi un darbu.

3. Amatniecības (galvenokārt laivu meistaru un virvju vijēju) darba rīki un produkcija eksponēta divās ēkās — darbnīcās, kā arī brīvā dabā un paviljonos, kas izvietoti t. s. starpzonālajā amatniecības sektorā (starp feodālisma un kapitālisma zonām).

4. Jūras zvejnieku laivas un tām atbilstošie zvejas rīki izvietoti hronoloģiskā secībā, sākot no pirmatnējās kopienas laikmeta (Sārnatas vienkoči), feodālisma un kapitālisma laikmeta (vienkoči un laidņu laivas) un beidzot ar sociālisma un komunisma straujas celtniecības laikā lietotajām motorlaivām un zvejas kuģiem.

5. Zvejnieku sauszemes transporta līdzekļu demonstrēšanai muzejā pārvesta un 1964. gadā izbūvēta 1,5 km gara šaursliežu dzelzceļa līnija, t. s. «mazais bānītis», kas vēl Padomju varas pir-

majos gados kursēja starp vairāk nekā 10 vietējiem zvejniekciemem. Tagad lokveidā tas savieno kapitālisma zonu ar jauno perspektīvo zvejniekiem un ostu.

6. Jūras zvejniecības etnogrāfiskajam brīvdabas muzejam Ventpilī plašas iespējas tālākajai attīstībai. Jau tuvākajā nākotnē paredzēts muzeja teritoriju palielināt līdz 50 ha, pievienojot pašreizējai muzeja brīvdabas ekspozīcijas teritorijai jauno zvejnieku ostu, daļu z/a «Sarkanās bākas» ciematu un jauno zvejnieku parku, tā ekspozīcijā saistot pagātņi ar tagadni, radot savdabīgu kompleksu muzeju, kurā uzskatāmi parādīs Latvijas jūras zvejniecības attīstību.

REĀLISMA TRADĪCIJAS LATVIEŠU ĢIMENES IERAŽU DZIESMĀS

JĒK. VITOLIŅS

1. Tautas dziesmā, darbaļaužu masu radīta un tradēta, pašā savā būtībā ir dziļi reālistiska māksla. Tās poētiskie tēli sakņojas zemnieku darba dzīvē, tautas dziesmu melodika, sakoncentrēdama sevī tautas muzikāli radošā ģēnija spēku, ikvienā pasaules mūzikas kultūrā ir kļuvusi par reālistisko tendenču sakni. Tomēr dažādos tautas dziesmas žanros reālisma tradīcijas izpaužas dažādi.

2. Ieražu dziesmas uzkrāj sevī daudz ar tautas vēsturiskās dzīves etapiem saistītu elementu. Ģimenes ieražu dziesmās, to cilmē ir daudzi pirmatnējās maģijas priekšstati un ticējumi; vēlāk ap cilvēka dzimšanu, vīrieša un sievietes kopīgas dzīves nodibināšanu, nāvi savas kulta ceremonijas apvija kristianisms, baznīca. Tomēr savāko latviešu tautas dziesmu un to melodiju materiāls konkrēti liecina, ka kristianisms un baznīca nav spējusi būtiski ietekmēt šo ārēji tai visvairāk pakļauto ģimenes godu tradīcijas. Gluži otrādi: tās ir izrādījušās par tautas vissikstāko ciņas ieroci pret baznīcas uzspiestajām ģimenes godu formām. Un senie maģijas elementi ieražu dziesmās to ilgajā attīstības procesā arvien vairāk ir aizgājuši no savas pirmējās nozīmes, kļūdami par šo dziesmu tradicionālu ietvaru, resp. iegūdami tradicionālas spēles raksturu.

3. Ģimenes ieražu dziesmu atsevišķo ciklu — kristību, precību, kāzu un bērnu dziesmu no zemnieku darba un ģimenes dzīves izaugušais saturs noteicis arī to melodikas spilgti savdabīgo raksturu. Visumā šīm dziesmām ir konkrētas funkcijas ģimenes godu ieražās un izdarībās. Pēdējām izmainoties vai izzūdot, attiecīgās dziesmas bieži iegūst vispārinātu lirisko dziesmu raksturu. Saisītas ar cilvēka dzīves vissvarīgākajiem etapiem, šo ciklu dzies-

mas savā muzikālajā izteiksmē ieguvušas dziļu emocionālu saturu un lielu melodisku daudzveidību, kas tām piešķir augstu māksliniecisku vērtību.

4. **Kristību dziesmas** apvij bērna dzimšanas un vārda došanas ieražas un izdarības. Visa to satura norise ir neatkarīga no baznīcas, sveša tās ceremonijām, to melodikā nav nekā kopīga ar korāļa intonācijām vai mistisko izjūtu sfēru. Symbolistisko, ar pirmatnējās maģijas elementiem saistīto izdarību pamatā ir zemkopju tautās tipiskie vēlējumi nodrošināt bērnam laimīgu dzīvi. Kristību dziesmas ir kolektīvas dziesmas, parasti kūmu dziesmas, visbiežāk ar deklamatorisko, teikto dziesmu melodiku. Centrālā dziesmu grupa — «pādes didišanas» dziesmas, kurās saglabāties pirmatnējais dejas, mūzikas un vārda sinkrētisms. Šādās dziesmās, blakus trohaju metriem, daudz viegli ritošu daktilisku tekstu, biežas metru maiņas, melodijās vistipiskāki $\frac{2}{4}$ un $\frac{3}{8}$ taktsmēri. Vairākbalsīgie kristību dziesmu melodiju pierakstījumi rāda galvenokārt burdonu (vilcēju balsu), bet arī harmoniska tipa divbalsību.

5. **Kāzu dziesmas** ir visbagātākais un daudzveidīgākais latviešu tautas mūzikas cikls. No tām var nošķirt precību dziesmas, kurās mazāk tiešo ieražu elementu un kas tuvākas liroepiskajām sadzīves dziesmām. Precību dziesmas visumā ir individuālas dziesmas, nereti arī dialoga formā, vairums liksmas, humoristiskas puišu dziesmas, vai arī sirsniņi savilņotas, ar liriski attīstītām dziedamā tipa melodijām.

Tiešas kāzu dziesmas izveido savā saturā un secībā veselu plašu darbības norisi, tā saucamo «vedību spēli», kurā piedalās divas puses — vedēji un panāksnieki. Uzkrātais kāzu dziesmu melodiju materiāls plaši aptver visas «vedību spēles» atsevišķās norises, izpaužas gan liriskās dziesmās, gan daudzveidīgās apdziedāšanās, gan kāzu deju un rotaļu dziesmās. Sevišķi liela kāzu godos ir apdziedāšanās dziesmu loma. Apdziedāšanās dziesmās visraksturīgākā ir teikto dziesmu melodika, tās parasti dzied vairākbalsīgi ar teicēju, locītājām un vilcējām, bet dzied arī ātras dziedamā tipa humoristiskas apdziedāšanas dziesmas kolektīvā izpildījumā u. c. Kāzu dziesmas ir tautas tradīcijās dziļi iesakņota ieražu daļa, saglabājušas savu dzīvīgumu līdz tagadnei. Tās daudz izmantotas arī latviešu klasiskajā un padomju profesionālajā mūzikā.

6. **Bēru dziesmas** — vienas no emocionāli vispiesātinātākajām dziesmām, ar dziļu sāpju un žēlabu izteiksmi. Iezīmīgas divas to grupas: a) dziesmas, kas tieši saistītas ar bēru ieražām un izdarībām; b) vispārinātas skumju, žēlabu izteiksmes liriskas dzies-

mas. Dažās senākajās bērnu dziesmu melodijās sastopamas raudu tipa intonācijas. Bērnu dziesmu melodiju tipi sniedzas no šaura apjoma teikto dziesmu, galvenokārt kritoša tipa melodikas līdz attīstītām liriskām dziedāmām melodijām. Latviešu profesionālā mūzika sniedz ievērojamus bērnu dziesmu melodiju izmantošanas paraugus.

7. Ģimenes ieražu dziesmu tradīcijas laikmetu griežos ir saglabājušas un tālāk attīstījušas savus reālistiskos elementus. Šo ciklu dziesmu reālistiskais poētiskais saturs un melodika augstā vispārīnājumā un skaistumā piešķir tām nepārejošu māksliniecisku vērtību.

РАБОТА ФОЛЬКЛОРИСТОВ В XVIII НАУЧНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1964 ГОДА

А. АНЦЕЛАНЕ

1. Научные экспедиции для латышских советских фольклористов стали основным методом приобретения новых материалов. Начиная с 1947 года экспедиции проходят каждый год в каком-либо из районов республики; экспедиция 1964 года была по счету восемнадцатой. До этого времени в экспедициях собрано свыше 140.000 разных фольклорных единиц, записаны на пленку сотни мелодий народных песен и танцев, сказки, предания, сказы, накоплены материалы для обширной фототеки, заложена основа для фильмотеки.

2. Для экспедиции 1964 года был выбран Добельский район. Место, время и задачи XVIII экспедиции были согласованы с экспедицией литовских фольклористов Института литовского языка и литературы АН Лит. ССР, которая работала в Можайском районе Лит. ССР. В пограничных местностях работали собиратели фольклора обеих республик.

3. Продолжая работу прежних экспедиций, во время XVIII экспедиции также были записаны все многообразные жанры латышского фольклора, изучены формы бытования латышского фольклора в народе, зафиксированы отношения исполнителей к фольклору; были сделаны попытки получить ответы на конкретные вопросы, возникшие в связи с научно-исследовательской работой. Большое внимание уделялось также собиранию материалов о латышско-литовских культурных связях, о взаимодействиях в фольклоре.

4. В экспедиции получен многообразный и интересный материал (более 6000 единиц), который довольно ярко характеризует современное состояние народного творчества в районе.

Наряду с репертуаром народного творчества, сохранившимся только в памяти носителей фольклора, записан материал (народные песни, танцы, хороводы, игры), который в наши дни широко бытует в жизни народа, на семейных торжествах и праздниках (на праздниках наречения имени, совершеннолетия, на свадьбе, похоронах и т. д.), в репертуаре художественной самодеятельности и т. п. Как установлено в экспедиции, в наши дни бытуют также реалистические рассказы, анекдоты, но исчезает интерес к сказкам, преданиям. Сравнительно мало в разговорном языке собиратели услышали поговорки и пословицы, все же их довольно много в репертуаре каждого носителя фольклора.

Интересен фольклорный репертуар различных возрастных групп (в репертуаре молодежи преобладают советские массовые песни, песни из кинофильмов и т. п.; народные песни, также и сказки и предания сохраняются главным образом в памяти старшего поколения; среди детей большое распространение имеют загадки, игры, хороводы), а также материал, записанный в пограничных местностях от латышей и литовцев (тесные связи обоих соседних народов имеют взаимное влияние на репертуар носителей фольклора).

Собранный материал позволяет проследить за теми процессами, которые происходят в фольклоре в наши дни под влиянием советской культуры, экономической жизни и в тесном единстве с культурной жизнью братских народов.

5. В завершение экспедиции Институт языка и литературы АН Латв. ССР вместе с Институтом литовского языка и литературы АН Лит. ССР в г. Науёи Акмяне Лит. ССР организовал выездную сессию, на которой были прочитаны доклады по вопросам фольклора, сделаны сообщения о работе экспедиции. На концерте лучшие знатоки фольклора из районов, где работали экспедиции, показали свое искусство исполнения фольклора.

СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ ЛАТВИИ С ЖИТЕЛЯМИ ПРИЛЕГАЮЩИХ ВОСТОЧНЫХ И ЮЖНЫХ ОБЛАСТЕЙ В ЭПОХУ РАННЕГО МЕТАЛЛА

Я. ГРАУДОНИС

1. Для выяснения развития материальной и духовной культуры, общественных отношений, а также этнических вопросов населения Латвии в эпоху раннего металла (середина II

тысячелетия до н. э. — I век н. э.) важное значение имеет изучение их связей с соседними племенами. Это потому, что культура мезолита и более поздних периодов в Латвии развилась на основании тех элементов материальной и духовной культуры, которые были принесены сюда пришедшими с юга и с востока первыми обитателями этой территории, и влияниями, полученными в результате меновых связей. До сих пор больше подчеркивалось значение связей в южном и западном направлениях, но для древнейшей истории Латвийской ССР не менее важными являются связи населения этой страны с обитателями верховьев Даугавы, Днепра и Волги.

2. «Птичьи» стрелы, некоторые виды костяных гарпунов, пещни, наконечники стрел с коническими головками (шигирского типа) и игловидной формы, каменные когтевидные долота (Krummeisel), балтийский янтарь и другие находки, а также гребенчатая керамика намечают ареал лесной зоны восточной Европы, жители которой поддерживали связи уже с эпохи мезолита и неолита. В этот ареал входит и территория Латвийской ССР.

Этот ареал вырисовывается также местонахождениями произведений первобытного искусства, связанных с традициями культа. Такими являются роговые, костяные и деревянные фигурки и рисунки змей, предметы со скульптурным изображением водоплавающей птицы и их стилизованные изображения на глиняной посуде, а также костяные и деревянные скульптуры и рисунки лося, как и обнаруженные в ареале распространения ямочно-гребенчатой керамики каменные предметы, один конец которых напоминает голову лося.

3. Сильный толчок дальнейшему развитию связей западной части лесной полосы восточной Европы, а также Латвии, в начале II тысячелетия до н. э. дало расселение носителей культуры боевых топоров в восточной Прибалтике, югозападной Финляндии и в областях верхнего течения Даугавы, Днепра и Волги. Развитию межплеменных связей способствовало соприкосновение и временное сосуществование разных этнических групп со старой охотничье-рыболовецкой и новой скотоводческо-земледельческой культурами, то, что при слиянии культурой пришельцев с культурой местного населения появились локальные формы орудий, и то, что скотоводы-земледельцы легче восприняли и передали дальше импульсы более развитых южных культур.

В результате развития производительных сил в северной Европе уже в середине II тысячел. до н. э. важнейшим объек-

том обмена стал металл. Возможности приобрести металлы определяли и главные направления связей.

4. Бронзовые топоры с закрайнами, боевые топоры (так наз. нортикенского типа), булавки и др. находки восточнобалтийских типов, курганы с многоярусными захоронениями подтверждают тесные связи Латвии с Висло-Неманской областью в середине и второй половине II тысячелетия до н. э. На севере эти связи простираются до территории Эстонской ССР, где бронза ввозилась прежде всего с юга, при посредничестве балтских племен.

В то же время находки каменных топоров фатьяновского типа и с прямой спинкой, как и появление ранней текстильной керамики указывает на связи с обитателями верхнего течения Днепра и Волги, а каменные топоры Аугшземского типа, уступчатые топоры и, возможно, ранняя штрихованная керамика, намечают связи, идущие от Латвии в юговосточном направлении.

Объектами обмена в этот период служили бронза, изделия из бронзы, кремень и др. материалы, по всей вероятности продукты охоты и скотоводства и пр. Значение янтаря уменьшалось.

5. Еще шире развернулись связи в I тысячелетии до н. э. и в начале н. э. Бронзовые топоры, наконечники копий, браслеты, спиральные украшения конца эпохи бронзы, шейные гривны, фибулы, датируемые началом железного века, одинаковые погребальные обряды в южной Латвии, Литве и еще дальше на юг указывают на тесные связи в этом направлении. Одинаковые погребальные обряды, текстильная и штрихованная керамика, ложковидные бронзовые украшения и др. находки подтверждают связи с Эстонией, а могилы с ладьевидной каменной надстройкой в Курляндии (а возможно и могилы с каменными ящиками в Видземе), а также находки бронзовых (меларского типа), железных топоров и др. и со Скандинавией.

В это же время штрихованная и текстильная керамика, однострунные костяные гарпуны, наконечники стрел, фрагменты костяных псалей, бронзовые булавки со спиральной головкой, железные клинообразные узколезвийные топоры, даже отдельные элементы строительства на укрепленных поселениях являются свидетелями тех оживленных связей, какие имели место с областями верхнего течения реки Даугавы, Днепра и Волги.

Костяные псалей, наконечник бронзовой стрелы скифского

типа, железные клиновидные топоры, бронзовые фигурки, найденные в Литве, указывают на то, что в I тысячелетии до н. э. имели место связи между Прибалтикой и Причерноморьем, с миром скифской культуры.

Объектами обмена служили бронза, железо, а также другие материалы и изделия.

6. Наиболее важными для Латвии являлись связи в южном и восточном направлениях. Первые из них более интенсивными представляются в мезолите, вторые в неолите. Новая активизация южных связей происходит в начале II тысячелетия до н. э., но в середине того же тысячелетия не менее важными становятся и связи Латвии с прилегающими восточными областями. Ареал распространения каменных топоров фатьяновского типа и с прямой спинкой, элементы Поднепровья и Висло-Неманской области в культуре боевых топоров Эстонии, находки бронзовых топоров (меларского типа) и др., элементы Лужицкой культуры, обнаруженные в Эстонии и Финляндии, проникшие туда через Прибалтику, указывают на непрерывный рост и расширение связей населений Латвии во II и I тысячелетиях до н. эры.

Прибалтика, т. е. и территория Латвии в это время являлась ареалом скрещивания важных культурных связей юга, востока и даже Скандинавии. Благодаря этому и при полном отсутствии местных металлов, культура на территории Латвийской ССР во II и I тысячелетиях до н. э. развилась одинаково с культурой соседних областей.

Широкие связи эпохи раннего металла способствовали развитию больших путей сообщения, ведущих из Латвии в восточном направлении. Уже в I тысячелетии до н. э. таким по всей вероятности стал водный путь Даугава — Волга, а в конце этого тысячелетия намечался и путь Даугава — Днепр.

ОСОБЕННОСТИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА ВОСТОЧНЫХ ЛАТЫШЕЙ В СВЯЗИ С ИХ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИЕЙ

Р. ДЕНИСОВА

1. Изучение антропологического состава восточных латышей представляет большой научный интерес. Особенности антропологического типа современного населения восточной

Latv. PSR Valsts biblioteka.
65 - 46. 955

Латвии, его локальные варианты, находятся в тесной прямой связи с ходом всей этнической истории восточных балтов.

2. Антропологический тип восточных латышей впитал в себя три основных компонента, которые на основании археологических исследований поддаются этническому определению.

Один из них наиболее отчетливо проявляется среди населения южной Латгалии и большей части Видземе. Он, по-видимому, балтийского происхождения и принесен на эту территорию латгалами. Особенности антропологического типа этой части современного населения проявляются в среднем развитии третичного волосяного покрова, наклоне лба и развитием надбровье, в крупных размерах головы и умеренной брахикефалии (гол. указатель 81—82'), в высоком, широком лице и большой длине тела (170—172 см).

Второй компонент, который принял участие в формировании антропологического типа восточных латышей, по-видимому, несколько иного происхождения. Он наиболее отчетливо представлен в современном населении с древней территории селов. У латышей этой территории мы наблюдаем некоторую тенденцию к потемнению волос, более обильному развитию третичного волосяного покрова, некоторой гипоморфности, меньшим размерам головы, мезокефалии, некоторому сужению лица и чаще выпуклому профилю носа.

Третий компонент преобладает на северо-востоке Латгалии и частично на севере Видземе. Особенности антропологического типа этой части современного населения проявляются в некоторой депигментации волос и глаз, в некотором ослаблении третичного волосяного покрова, в выраженной брахикефалии (гол. указатель 82,5—83,5), в средне-высоком и очень широком лице (143—145 мм), в преимущественно прямом профиле спинки носа и среднем росте (168—169 см).

3. В каждом локальном варианте антропологического типа восточных латышей представлены в определенном соотношении все три компонента. Однако в каждом отдельном случае один из этих трех компонентов является преобладающим.

На основании краниологического материала, накопленного за последние годы, представляется возможным выяснить происхождение этих трех компонентов, а вместе с тем и направление этнических связей восточных балтов. Это в свою очередь способствует изучению основных вопросов этногенеза латышей.

4. На территории современной Латгалии и прилегающих к ней территориях в VIII—XII вв. были распространены, в основном, три антропологических типа.

Первый — массивный, долихокраний, широколицый европеидный тип балтов, который прослеживается на обширной территории восточной Латвии, Верховьев Днепра и Западной Двины.

Второй — грацильный, долихокраний и узколиций европеидный тип восточных славян. Он близок к типу восточных литовцев и селов XI—XII вв.

Третий — грацильный, мезокраний и среднелиций антропологический тип с некоторым налетом монголоидности. Он в первых веках II тысячелетия был распространен на северо-западных землях Великого Новгорода, в восточной Эстонии, Латгалии и Видземе.

5. Первый антропологический тип представлен, по-видимому, группой родственных восточнобалтийских племен. Он вошел в качестве основного элемента в состав современных восточных латышей, некоторых русских и белорусов. На основании его формируется первый компонент, который прослеживается среди современных латышей Латгалии и Видземе. Второй антропологический тип принял участие в формировании, главным образом, физического типа восточных славян. Его влияние находим также и среди современных латышей Латгалии. В результате взаимодействия этих двух антропологических типов возник валдайский антропологический тип современных русских и некоторых белорусов. Западнобалтийский тип современных латышей развился, главным образом, на основе первого — массивного долихокраний и широколицего европеидного типа с очень незначительной примесью второго.

Таким образом, восточных латышей, северо-западных русских и белорусов объединяет древний балтийский пласт.

6. Второй компонент антропологического типа современных латышей, который наиболее отчетливо прослеживается на древней территории селов, формировался на основе грацильного, долихокраний со средними размерами головы и лица антропологического типа. Он был близок по своему происхождению к типу восточных славян. По-видимому, древние селы и восточно-славянские племена по своему физическому типу образовывали близко родственную группу племен. К ним был близок тип восточных литовцев.

В настоящее время основной ореал антропологического

типа, особенности которого проявляются у юго-восточных латышей и восточных литовцев, лежит на территории русских и белорусов.

7. Третий антропологический тип представлен прибалтийскими финнами. Он вошел в состав северо-восточных латышей, где среди современного населения проявляется в качестве основного компонента.

8. Исходя из всей совокупности данных, которыми мы в настоящее время располагаем, антропологическая карта, которую наблюдаем в восточной Латвии, в I тысячелетии была, вероятно, сдвинута более к востоку. Таким образом, антропологические связи восточных латышей идут в восточном направлении.

Дальнейшее накопление антропологического материала должно ответить на вопрос о древности балтийских элементов в восточной Латвии и на прилегающей к ней территории.

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОВЛИЯНИИ КУЛЬТУР РУССКОГО И ЛАТЫШСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЛАТГАЛИИ ПО ДАННЫМ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ XIX И НАЧАЛА XX ВВ.

А. ЗАВАРИНА

1. В культуре латышского и русского народов имеется много общего, что объясняется сходными условиями социально-экономического развития, а также взаимным влиянием их культур.

Результаты этого взаимодействия наиболее четко прослеживаются на территории Латгалии, которая является не только пограничным районом, где происходит соприкосновение культур, но и областью, где наряду с ее коренными обитателями издавна проживает русское население.

2. Взаимное влияние латышского и русского народов происходило в разных сферах и разными путями на протяжении длительного времени. Автор настоящих тезисов ограничивает свою задачу выявлением результатов влияния, как оно проявляется уже в период капитализма и может быть прослежено по данным материальной культуры XIX — нач. XX вв.

3. Конкретное проявление результатов совместного про-

живания и тесных экономических связей латышского и русского крестьянства наблюдается прежде всего в строительстве. По литературным данным в далеком прошлом латышские крестьяне по примеру русских начали строить дома с холодными сенями, используя при этом русские приемы строительной техники и внутреннюю планировку, согласно которой печь располагалась слева или справа от входа, а по диагонали от нее передний угол.¹ В латгальских избах получила также распространение русская печь с лежанкой, в которой не только пекли хлеб, но как и русские крестьяне, готовили пищу. Встречавшиеся во II пол. XIX в. у латышских крестьян восточной части Латгалии, особенно в смешанных или соседних с русскими деревнях, два типа планировки двора — двухрядная застройка с крытым внутренним двором и покоеобразная застройка с открытым круглым двором, состоящая из соответствующего комплекса хозяйственных построек, есть также результат заимствования этих типов связи от русских крестьян, ибо такая планировка прослеживается у них повсеместно в Латгалии и на их прежней родине. Об этом свидетельствует и строительная терминология.

4. Распространению русских типов избы и застройки усадьбы, приемов строительной техники и архитектурных украшений в латышских деревнях Латгалии немало способствовали также работавшие по деревням русские плотники, большинство которых выходило из среды крестьян и ремесленников Латгалии, а также Псковской и Новгородской губ.

5. На всей территории восточной Латгалии, частично и западной, как у русских, так и у латышских крестьян вплоть до начала XX в. были распространены одинаковые по форме и устройству сельскохозяйственные орудия — двухфлемешная соха, борона-смык, серп с зазубренной рабочей стороной, цеп для обомолота хлеба и другие, хотя в трудовых навыках и приемах наблюдались различия. Бытование одних и тех же сельхозорудий у латышских и русских крестьян следует объяснять, на наш взгляд, не заимствованиями, а скорее сходными почвенно-климатическими и социально-экономическими условиями, а также одинаковыми системами земледелия.

¹ А. Семеновский «Очерк быта латышей казенной деревни Езерник Люцинского уезда» — Газ. «Витебские губернские ведомости» № 33, 1863 г., стр. 2; он же «Этнографический обзор Витебской губ.», СПб, 1872, стр. 37, ст. «Заметки о латышах 3 инфлянтских уездов Витебской губ.» — Виленский сборник 1869 г., стр. 232.

6. Под влиянием русской культуры сложился латгальский комплекс женского костюма. Согласно исследованиям М. Славы русско-латышские связи прослеживаются в более ранних формах одежды, некоторые элементы которой сохранились до XIX в. Так, наиболее близка к русской рубахе с прямыми поликами, туникообразная рубаха с браным узором из красного кумача и др.¹ Более поздним по своему происхождению является обычай у латышских женщин покрывать голову платком (īsaīs auts) в подражание русским старообрядкам², у мужчин — носить рубашку русского покроя со стоячим косым воротом и обязательно поверх брюк.

Русские крестьяне, в свою очередь, заимствовали от латышей более совершенный тип ткацкого стана, позволявшего им ткать широкое узорное полотно и декоративную ткань. Вместе с техникой тканья был перенят и латышский орнамент. От латышей перенята была русскими женщинами узорная вязка из шерсти отдельных элементов одежды (кофт, рукавиц, чулок).

7. Согласно исследованиям А. Алсупе в XIX—XX вв. многие детали латышского ткацкого стана, мотвила и других орудий ткачества имели русские названия, хотя по форме сами орудия отличались от русских. А. Алсупе объясняет наличие русской терминологии изготовлением ткацких орудий русскими мастерами-староверами. Изготавливая орудия по образцам заказчиков-латышей, они со временем передали им и свои названия.¹

8. Установление тесных экономических и бытовых связей латышских и русских крестьян сказалось и в такой, мало подвергающейся различным влияниям области материальной культуры, как пища. В результате культурного взаимообмена русские крестьяне заимствовали от латышских способ печения кислосладкого хлеба, приготовления сыра, ячменного пива. Латыши-латгальцы расширили ассортимент своих блюд за счет русских, перенимая приготовление таких кушаний, как крупеня, топленка, гульбишники и многие другие.

9. Приведенные факты взаимного проникновения в быт названных групп населения Латгалии элементов их культур, говорит о том, что ни русские, ни латышские крестьяне не

¹ М. Слава «Латышская женская одежда и ее орнаментация XVIII—XX вв. «Диссертация». М., 1955 г. стр. 242.

²) Там же, стр. 242.

¹ А. Алсупе «Культурно-исторические связи латышского и славянских народов по материалам ткачества XIX—XX вв. «Тезисы к докладу. Р., 1964 г., стр. 3 (рукопись).

представляли из себя замкнутых изолированных групп и что взаимное влияние обогащало материальную культуру каждой из них. Тормозился этот процесс наличием религиозного барьера, препятствовавшего, в силу отсталости сознания крестьян, заключению смешанных, в национальном отношении браков между русским и латышским населением Латгалии.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В «КАРАКАПИ» У ХУТ. РИЙНИЕКИ БАЛВСКОГО РАЙОНА В 1964 ГОДУ

С. ЛАУЛ, Я. ГРАУДОНИС

1. Археологическая экспедиция, организованная совместно Институтами истории АН Эстонской и Латвийской ССР под руководством С. Лаул (Таллин) и Я. Граудонис (Рига) с 14 по 30 сентября 1964 г., провела раскопки в «Каракапи» (Военные могилы) у хутора Рийниеки деревни Перконе Балвского р-на. Могильник расположен на северном берегу оз. Перконес в 5 км от г. Балвы.

2. Исследовавшийся курган длиной около 40 м, шириной в 15—22 м и высотой до 1,5 м был ориентирован с ВЮВ на ЗСЗ и сильно перерыт кладоискателями, разыскивавшими здесь «военную кассу и другие драгоценности». Западная часть памятника была разрушена при рытии пограничного рва деревенского кладбища. При исследовании площади в 380 м² кургана, вопреки установившемуся мнению о данном памятнике, как могильника с каменными оградками, было обнаружено 19 каменных ящиков и вскрыто 5 трупоположений более позднего времени. В ходе раскопок (включая случайные находки) было добыто 86 предметов.

3. Каменные ящики были сооружены на первичной поверхности кургана без снятия дерна на месте сооружения каменных ящиков и по этому заполняющий ящики светло-желтый песок ярко отличался от темного слоя погребенной почвы. Ящики длиной в 1,50—2,20 м, шириной в 0,40—1,00 м, глубиной от 0,30 до 0,45 м были сооружены из больших валунов, поставленных плоскими сторонами внутрь. Большие валуны очень тщательно были укреплены более мелкими камнями. Перекрытия ящиков не были установлены, но вымостка дна ящика была выявлена в двух случаях. В двух случаях была обнаружена вымостка из небольших камней, но отсутствовали валуны, необходимые для образования ящика.

В заполнении ящиков не были обнаружены ни кальцинированные, ни несожженные кости, не были найдены также, связанные с этими погребениями, находки. По всей вероятности в ящиках захоронены были труположения без вещей.

4. Каменные ящики в раскопе были расположены как будто тремя группами. Возникает вопрос, не было ли здесь первоначально несколько отдельных курганов с каменными ящиками, которые позднее слились воедино. Без изучения всего памятника, этот вопрос остается нерешенным.

Хотя и не найдены датирующие каменные ящики предметы, вид погребений (подобного рода могильник исследован в Макашану Салениеки) и отдельные черепки гладкостенной и текстильной керамики, обнаруженные в насыпи кургана, позволяют отнести погребения в каменных ящиках к последним столетиям I тысячелетия до н. э. и к самому началу нашей эры.

5. В исследованной части кургана обнаружено также 5 труположений, но рассказы местных жителей и случайные находки указывают на то, что таких могил было больше. Одно погребение было помещено в колоду. Ивентарь вскрытых погребений и большинство случайных находок относится к XIII—XIV вв., но встречаются и датируемые XVII веком (III погребение).

6. Обнаруженные в «Каракапи» каменные ящики важны для изучения этнической истории северо-востока Латвии в эпоху ранних металлов. Труположения представляют большой интерес, как доказательство бытования старых языческих погребальных обрядов вопреки запретам христианской церкви. На то, что после введения христианства население Латвии продолжало придерживаться старых языческих погребальных обрядов вплоть до XVIII века, указывают письменные источники. Доказательства этому явлению имеются и в археологическом материале Видземе и Курземе.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИВСКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В 1964 ГОДУ

Э. ТЫНИССОН, Э. МУГУРЕВИЧ

1. Экспедиция по разведке археологических памятников северо-западной Видземе, организованная совместно институтами истории Академий наук Эстонской и Латвийской ССР,

продолжала со 2—15 июня начатую в предшествующие годы работу по выявлению и проверке археологических памятников на бывшей ливской земле. На территории Цесисского, Рижского, Валмиерского районов обследовано 56 объектов: 37 могильников, 12 городищ, 4 средневековых каменных замка и др.

Археологический и антропологический материал добыт из Лиепупес Тининькалнса (27 стеклянных бус, череп), из Стайцеле (железный нож) и из Алояс Вецлаури (железная подкова). Собраны сведения о 8 ранее не зарегистрированных объектах и местах находок.

2. Основное внимание экспедиции было обращено на обследование могильников. Обнаружено несколько ранее неизвестных памятников. Из них следует особо отметить группу каменных могильников в Поциема Айшени. Здесь наряду с 6 более крупными каменными могильниками находились также некоторые небольшие могильники типа курганов с каменными ящиками. Интересно отметить, что поциемские могильники называются местным населением как «место церкви» и «место часовни». Такие названия весьма распространены и у многих других каменных могильников. Пока еще не выяснено, относятся ли поциемские могильники лишь к первой половине I тысячелетия н. э. или в них продолжали хоронить также в более поздние времена. Помимо поциемских был обследован и ряд других каменных могильников. ~~Пока еще не выяснено, относятся ли~~ Вецмеллужи и др. Проверены многие грунтовые могильники, относящиеся большей частью к средневековью.

3. Экспедиция уточнила число курганов и степень сохранности ливских курганных могильников, расположенных к северу от Гауи (Умургас, Эйкены, Ленчу Бунте, Бириню Чиесури). В отличие от больших ливских курганных могильников близ Кримулды и Турайды, эти могильники характеризуются меньшим числом курганов и более бедным инвентарем.

4. Обследование ливских курганных могильников в бассейне Гауи в основном завершено. В дальнейшем следовало бы продолжить работу по обследованию памятников в районе между Гауей и Даугавой. Более детального изучения требуют также погребальные обряды ливов, населявших бассейн Салацы и территорию между этим бассейном и курганными могильниками в бассейне Гауи. В настоящее время здесь помимо каменных могильников обнаружены только грунтовые погребения с труположением, относящиеся к средневековью.

Лишь некоторые обнаруженные в них комплексы относятся к XIII веку.

5. В Рижском районе с 11—24 сент. 1964 года проводились совместные археологические раскопки ливских курганов (в Бирини у б. хутора Чиекури Кримулдского с/с).

Эта курганная группа состоит из восьми насыпей разной величины. Их диаметр достигает 6—10 м, высота — 0,6 до 1,5 м. экспедицией 3 из них были раскопаны. Они были насыпаны из желто-серого или коричневого песка с ровиком у основания. Погребальные комплексы находились в центральной части курганов, примерно на 0,2—0,3 м выше древней почвы. Два кургана оказались ранее перекопанными. В них были обнаружены лишь остатки труположения (кости нижних конечностей), ориентированные в северо-южном направлении и некоторые предметы, в том числе наконечник ножен (кург. 2). В кургане 1 обнаружен череп собаки.

Курган 3 оказался непотревоженным и здесь были обнаружены два погребения, ориентированные с севера на юг в виде труположений с богатым инвентарем. Они находились рядом в центральной части кургана. Первое западное погребение состояло из двух скоплений кальцинированных костей. При нем найден комплекс нагрудных украшений из цепей, цепедержателей, черепаховых фибул, распределительных бляшек; к этому комплексу относятся также широколезвийный топор, два наконечника копий, две подковообразные фибулы, два ножа и некоторые другие предметы. Можно полагать, что западное погребение состояло из двух отдельных захоронений — мужского и женского.

Восточное погребение содержало одно женское трупосожжение. Здесь находились комплекс нагрудных украшений (цепи, цепедержатели, черепаховая фибула и др.), 2 ножа, 2 серебряных браслета, глиняный сосуд и др. У обоих погребений найдены скелеты собак.

6. В результате исследования удалось получить представление об обряде погребения и датировке чиекурских курганов. Самым важным результатом является, безусловно, вскрытие одновременных трупосожжений в кургане 3. Их можно предварительно датировать примерно первой половиной XII века. Остатки труположений в кургане 1 и 2 относятся, по-видимому, к несколько более раннему времени (конец XI — начало XII вв.) Исследованные курганы в Бириню Чиекури представляют большой интерес для изучения общественного строя древних ливов.

ТЕКСТИЛЬНАЯ КЕРАМИКА НА ТЕРРИТОРИИ ЛАТВИИ

И. ЦИМЕРМАНЕ

1. На обширной территории лесной полосы Европейской части СССР с середины I тысячелетия до н. э. по первые века н. э. распространена так назыв. текстильная (сетчатая) керамика, для которой характерны отпечатки ткани или плетения. Эта керамика коренится в местной неолитической текстильной керамике, которую наиболее часто находят в стоянках ямочно-гребенчатой керамики. В ареал распространения текстильной керамики входит также северо-восточная часть Латвийской ССР. Здесь известно около 40 мест находок текстильной керамики рассматриваемого периода.

2. Распространение текстильной керамики в Латвии охватывает территорию с границы Эстонской ССР на севере до Даугавы на юге. Эта территория не является этнически однородной. На севере ее обитают финские, в средней части финско-балтийские племена — здесь по соседству с численно преобладающими балтскими могильниками и поселениями встречаются и финские могильники и поселения. На юге вдоль Даугавы представлены балтские памятники.

Текстильная керамика обнаружена в следующих категориях памятников:

а) в каменных курганах северной Латвии конца бронзового века и начала периода раннего железа (Буллюмуйжа).

б) в каменных могильниках II—V вв. н. э. северной Латвии (Салениеки, Наудушева и др.).

в) в поселениях, расположенных в районе распространения упомянутых могильников. Здесь первенствующее место принадлежит Кивтскому поселению.

г) на городищах и поселениях этого периода, где раскопками добыт незначительный процент (обычно менее 1%) текстильной керамики. Эти памятники расположены главным образом по берегам Даугавы.

3. Основной формой текстильной керамики являются баночные сосуды с наклонно кверху расширенными стенками. Профили края различны. Несмотря на то, что текстильная керамика в различных памятниках трудно поддается датировке и в Кивтском поселении происходит из сравнительно смешанных слоев, можно различить основную тенденцию развития форм этой керамики.

а) Баночные сосуды с слегка выпуклыми стенками, немного суженные в верхней части, с слегка отогнутым наружу

краем. Профиль этих сосудов отображает легко изогнутую с форму. В некоторых случаях эти сосуды орнаментированы по краю рядом ямочек или поясом ногтевых вдавлений. (Приблизительная датировка: середина I тысячелетия до н. э. по начало II половины I тысячелетия до н. э.).

б) Баночные сосуды с прямыми, кверху расширенными стенками, иногда несколько внутрь закругленным краем. Эта форма преобладает в конце I тысячелетия до н. э. и в начале I тысячелетия н. э., хотя встречается и позднее.

в) Баночные сосуды с загнутым внутрь верхним краем и с более или менее значительной профилировкой в плечевой части. Эта форма имеет распространение на заключительном этапе бытования текстильной керамики.

4. Текстильная керамика отличается также в отношении отделки поверхности. Можно проследить отдельные моменты развития.

а) Отпечатки более древних сосудов невелики, сравнительно регулярны, обычно кругловатой формы. Встречаются также оттиски шнура.

б) В ходе дальнейшего развития отпечатки становятся продолговатыми, более рельефными, грубыми, в них можно различить двойные, иногда ссученные нити.

в) Для поздней текстильной керамики характерны поверхностные отпечатки, неравномерно покрывающие поверхность сосуда и местами совсем исчезающие. Нередко прослеживается имитация текстильных отпечатков: наколы, защипы.

5. В технических приемах изготовления сосудов в рассматриваемом периоде не прослеживается существенных изменений. Сосуд формируется из глиняных полос. В целях обезжирения глиняной массы в отличие от ранней неолитической текстильной керамики с примесью толченной раковины, здесь примешана искусственно размельченная различной грубости дресва. Сосуды обожжены при температуре 600—700 градусов.

Со временем улучшаются приемы подготовки глиняной массы. Если для более древних текстильных сосудов глиняная масса еще плохо разработана и еще неправильно подобраны составные ее части, чем вызывались трещины при обжиге сосуда, то при формировании более поздних сосудов эти недостатки устранены.

6. Для текстильной керамики Латвии характерен ряд признаков общих для всего ареала распространения текстильной керамики, в том числе керамики Дьяковской культуры. Таковыми признаками являются технические приемы изготовления

сосудов, отделка поверхности, как и некоторые формы сосудов (баночные с прямыми и немного внутрь округленными краями).

Отличительным моментом является орнаментация сосудов. Текстильная керамика Латвии, за исключением более древней, неорнаментирована. Отличительной является также часть форм сосудов.

Как в отношении формы, так и характера текстильная керамика Латвии имеет общие признаки с текстильной керамикой каменных могильников южной Эстонии. Это дает основание текстильную керамику северной Латвии и южной Эстонии выделить в отдельную группу. В этой области текстильная керамика продолжает бытовать еще в V в. и даже VI в. н. э. когда в остальной территории ее распространения она уже не употребляется. В V и VI вв. здесь распространены профилированные формы текстильных сосудов, неизвестные в остальной обширной территории распространения текстильной керамики.

О ТОРГОВЫХ И КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ ДРЕВНЕГО ПОЛОЦКА С ПРИБАЛТИКОЙ

Г. ШТЫХОВ (Минск)

1. Археологические раскопки, которые проводятся на протяжении ряда лет Институтом истории АН БССР, подтвердили сообщения письменных источников о Полоцке как древнейшем городе восточного славянства. Полоцк оказывал влияние на хозяйственное и культурное развитие соседних не славянских племен Прибалтики и сам взаимно испытывал подобное влияние от них.

2. В Прибалтике христианская религия распространялась позже чем в древней Руси. Близкое соседство населения с языческими верованиями способствовало живучести этих верований в Полоцке, когда в нем официальной религией стало православие. Представляет интерес рассказ начальной летописи под 1092 г. о «преудивительном чуде» в Полоцке. Исследователи не без оснований видят следы влияния языческих религиозных верований литовцев (Н. Костомаров). Предметом языческих почитаний были валунные камни. В качестве таких

фетишей можно указать так называемые Борисовы камни, на которых в период борьбы с язычеством были высечены кресты и благочествые надписи.

3. Материалы, полученные при археологических раскопках на территории Латвии и Белоруссии говорят о постоянных культурных и торговых связях между Полоцком и населенными пунктами вдоль Даугавы. А. Стубавс уже отметил сходство строительных приемов в деревянном зодчестве Полоцка и Кокнесе и констатировал наличие общих элементов в культуре обоих городов. Это положение можно подтвердить рядом примеров. Большой интерес вызывает обнаружение в Кокнесе редкой вислой свинцовой печати с изображениями святых и надписями св. Георгий и св. София. Подобный экземпляр печати, сочетающий мужское и женское имя, известен в науке и вызывал недоумение исследователей своей необычностью. Теперь становится вероятным предположение, что обе печати принадлежали матери известной полоцкой княжны Евфросиньи (XII в.).

4. Ряд общих черт материальной культуры можно обнаружить, сравнивая археологические материалы раскопок Асотского городища и Полоцка. Керамика из Асоте совершенно аналогична полоцкой. Основная масса керамического материала Полоцка датирована дендрохронологическим методом с большой точностью и достоверностью. Это открывает новые возможности сравнительного изучения керамических комплексов из населенных пунктов вдоль Даугавы и других мест. В Полоцке, также как во многих местах древней Руси и Прибалтики, встречена керамика с клеймами, среди нее 28 дней с тождественными знаками. Эти материалы не подтверждают мнения некоторых исследователей о клеймах как знаках заказчиков, и в то же время не дают оснований считать их предметом особой работы ремесленника, если они и являлись его знаком.

5. О торговых связях Полоцка с Курземским побережьем говорят находки янтаря, встречаемые, начиная со слоев рубежа X—XI вв. Найдены изделия из цветных металлов, происхождение которых нужно связывать с Прибалтикой (браслет куршского типа — рубеж X—XI вв.; поясная пряжка с орнаментом в виде креста — рубеж XII—XIII вв.; оковка ножен кинжала I—XII в.); наконечник ножен меча — 30 гг. XIII в.; кольцевидные фибулы — XII—XIII вв.; спиралька — XIII в.). Для понимания внешней торговли Прибалтики и Полоцка имеют значение находки кладов с монетами X—

XI гг. и слитками. Такой клад найден случайно в Полоцке в 1910 г. Его слитки находят близкие аналогии в кладах Латвии.

Среди часто встречаемых металлических изделий русской работы находимых в Прибалтике, трудно определить изготовленные в Полоцке, ибо материальная культура русских городов однородна. Однако можно не сомневаться, что определенная часть их сделана в этом городе.

Хронологическое изучение всех видов стеклянных изделий привело к выводу, что они не изготовлялись в Полоцке за исключением браслетов и то не ранее 20-х гг. XIII в. В Прибалтику они поступали из какого-то другого центра.

Сказанное в какой-то мере дополняет и уточняет наши сведения о торговых и культурных связях. Полоцка с соседним населением, особенно, проживавшем на территории современной Латвии.

10	4. A. S. ...
11	5. J. M. ...
12	6. A. A. ...
13	7. R. T. ...
14	8. P. D. ...
15	9. A. S. ...
20	10. S. M. ...
21	11. S. T. ...
22	12. M. H. ...
23	13. T. M. ...

SATURS

СОДЕРЖАНИЕ

1. A. Ancelāne. Folkloristu darbs XVIII zinātniskajā ekspedīcijā 1964. gadā	3
2. A. Krastiņa. Etnogrāfu 1964. gada ekspedīcijas	4
3. H. Sūna. Daži tautas horeogrāfijas pētišanas metodoloģijas jau- tājumi	8
4. A. Šulcs. Jūras zvejniecības etnogrāfiskais brīvdabas muzejs Ventspilī	10
5. Jēk. Vītoliņš. Reālisma tradīcijas latviešu ģimenes ieražu dziesmās	11
6. A. Анцелане. Работа фольклористов в XVIII научной экспеди- ции 1964 года	13
7. Я. Граудонис. Связи населения Латвии с жителями прилегаю- щих восточных и южных областей в эпоху раннего металла	14
8. Р. Денисова. Особенности антропологического типа восточных латышей в связи с их этнической историей	17
9. А. Заварина. К вопросу о взаимовлиянии культур русского и латышского населения Латгалии по данным материальной культу- ры XIX — начала XX в.	20
10. С. Лаул, Я. Граудонис. Археологические раскопки в «Кара- капи» у хут. Рийниеки Балвского района в 1964 году	23
11. Э. Тыниссон, Э. Мугуревич. Результаты исследования лив- ских археологических памятников в 1964 году	24
12. И. Цимермане. Текстильная керамика на территории Латвии	27
13. Г. Штыхов. О торговых и культурных связей древнего Полоцка с Прибалтикой	29

LATVIJAS NACIONĀLA BIBLIOTEKA

0306024763

